

вания в этом городе дня не проходило, чтобы они не подрались; они были готовы ударить друг друга ножом за ничтожный кусок мяса. У них был вид плохо вылизанных медведей; постепенно они утратили дурные привычки; когда же они вернулись на родину, они оказались столь же вежливыми, как французы, родившиеся в центре Франции, или рожденные в Германии немцы (LJ, IV, 73—74).

Однако д'Аржан неоднократно признает, что за последние годы московиты очень изменились к лучшему: «Вот уже двадцать лет, как московиты избавились от рабства и подчинения. Петр Алексеевич нашел секрет изменить их нравы и обычаи, перестав считать их рабами. Он заставил их стать более общительными, вынудил давать детям нужное воспитание. Ныне двор московский вовсе не походит на двор, существовавший тридцать лет тому назад» (LJ, IV, 68—69). Он продолжает: «Чем больше народы лишены свободы, тем больше они невежественны, это доказывается нравами и обычаями московитов, которые сильно переменялись за последние годы; однако многое еще нуждается в переменах. Но время завершит то, что начал Петр Алексеевич, только от его политики зависит полная перемена в обычаях народа, некогда грубого и дикого» (LJ, IV, 73).

Д'Аржан отмечает, что на законы, политику, мораль людей воздействуют климат, географическая среда в целом, а также религия, быт и нравы, индивидуальные особенности той или иной страны (LJ, I, 230; II, 234; III, 223). Недаром, как сторонник географической теории, нравы жителей Петербурга он объясняет влиянием климата: там все серьезны, чтобы не казаться печальными, климат способствует угрюмости характера, что проявляется даже во время праздничных церемоний (LCh, II, 286).

Подобно большинству своих современников, маркиз д'Аржан рассматривает социальные законы как продукт деятельности законодателя. Он не признает богоданности монархических порядков и считает представление о короле как о наместнике Бога на земле причиной многих заблуждений человечества (LCh, II, 151). Говоря о взаимных обязанностях монарха и народа, д'Аржан исходит из понятий естественного права и общественного договора. Монарх и народ должны соблюдать взаимную справедливость (LJ, V, 219); главная обязанность монарха — добиваться благополучия народа; верховная власть, лишняя добродетели, вырождается в тиранию. Д'Аржан убежден, что политическая свобода и веротерпимость — источник благоденствия людей, процветания государства, основа развития наук и искусств (LJ, I, 240; LC, III, 218). Тираническая власть не может способствовать цивилизации людей: дарованная Петром свобода научила московитов подчиняться воле и уму мудрого правителя, сохраняя свое достоинство (LJ, IV, 68). Говоря о про-